

На правах рукописи

Ван Ирина Доржиевна

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА**

Специальность 5.4.4 – Социальная структура, социальные институты
и процессы

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Улан-Удэ – 2023

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Научный руководитель:

Петрова Елена Викторовна, доктор социологических наук, доцент

Официальные оппоненты:

Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор философских наук, профессор, почетный доктор Института социологии РАН, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии, главный научный сотрудник

Иванова Сембрика Нимаевна – доктор социологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Байкальский институт природопользования Сибирского отделения Российской академии наук, старший научный сотрудник

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Забайкальский государственный университет»

Защита состоится «26» сентября 2023 г. в 10:00 ч. на заседании диссертационного совета 24.2.279.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» по адресу: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 «а», ауд. 0209, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» и на сайте организации www.bsu.ru.

Автореферат разослан «__» _____ 2023 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

К. А. Багаева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Серьезные изменения в экономической и общественно-политической жизни страны, происходящие в последние десятилетия, кардинально повлияли на социальную структуру, привели к углублению социальной дифференциации населения и появлению новых неравенств в формирующейся стратификационной системе.

Поэтому актуальным и значимым стал анализ современного общества для получения ответов на вопросы о том, какова социальная структура российского общества, какие существуют классы или страты, по каким основаниям происходит расслоение населения, чем обладают социальные группы и как они планируют сохранять свои позиции, в чем состоят их горизонтальные связи и как осуществляется вертикальная мобильность (восходящая или нисходящая), какие существуют неравенства в обществе и как к ним относится население.

Особую важность приобретают региональные исследования социальной стратификации. В условиях трансформации российского общества усилилось межрегиональное неравенство, которое детерминировало неравенство в доходах, уровне жизни населения, инфраструктурной развитости, возможностях получения качественных образовательных и медицинских услуг для жителей разных регионов. Территориально-поселенческая неоднородность страны и отличия в социально-экономическом развитии регионов заметно дифференцировали возможности жителей различных населенных пунктов для конвертации своих активов в ресурсы или капиталы.

Наиболее уязвимыми в экономическом плане и наименее развитыми оказались удаленные от центра страны регионы, одним из которых является Республика Бурятия. При этом ее трансграничность обуславливает стратегическое значение, оказывает влияние на появление новых форм занятости местного населения, а также служит основой для формирования миграционных потоков как в ту, так и другую сторону.

Однако проблемы социальной стратификации на региональном уровне являются недостаточно изученными в российской социологии, мало учитывается факт неравномерности социально-экономического развития разных регионов страны и их исторических и этнокультурных

особенностей, оказывающих серьезное влияние на формирование моделей социальной стратификации.

В связи с этим представляется особенно важным и актуальным изучить региональные особенности социальной стратификации в Республике Бурятия: проанализировать влияние показателей социально-экономического развития республики на социальное расслоение, исследовать доходную и субъективную стратификации, обосновать характеристики выявленных доходных групп и социальных слоев в социальной структуре республики, их адаптационные стратегии, обозначить направления для уменьшения социальной дифференциации и преодоления бедности, а также корректировки социальной и экономической политики региона.

В диссертации осуществлен сравнительный анализ показателей социально-экономического развития республики в контексте межрегионального неравенства. Рассмотрены общероссийские и региональные модели доходной и субъективной стратификации на основе данных статистики и материалов социологического исследования по Бурятии, охарактеризована динамика показателей социально-экономического развития республики за 30-летний период трансформации (среднедушевые денежные доходы, коэффициент Джини, коэффициент фондов, занятость населения, безработица и др.), которые серьезным образом повлияли на процессы дифференциации населения и их специфику в общероссийском пространстве, а также создали условия для формирования региональной социальной стратификации. Также проанализированы демографические тенденции развития республики (динамика численности населения, естественный прирост, миграционные показатели, соотношение сельского и городского населения), которые обуславливают расслоение населения и изменение социальной структуры региона.

Полученная информация позволила выявить специфику моделей стратификации регионального общества (по доходным распределениям и самооценкам респондентов), сформулировать выводы для принятия эффективных решений в области социально-экономического развития и социальной политики по уменьшению социального расслоения населения, преодоления его бедности, сохранения социально-политической стабильности общества и его консолидации.

Степень научной разработанности темы. Изучение социальной стратификации – одна из важнейших тем социологической науки.

Проблемы расслоения общества и его неравенства, формирования социальной структуры интересовали еще древнегреческих философов, которые предлагали свои модели справедливого общества. Позднее Г. Гегель, Т. Гоббс, Дж. Локк, Н. Макиавелли, Д. Риккардо, Ж. Ж. Руссо, А. Сен-Симон, А. Смит обосновали существование социальных классов, или слоев, и связанных с ними различий и неравенств.

Социологический взгляд на структуру общественного устройства принадлежит классикам социологии – О. Конту, Э. Дюркгейму, Г. Спенсеру. Важными являются подходы представителей марксистской традиции к природе социальной стратификации, в основе которых лежит экономический фактор. Большое значение имеют труды исследователей веберинской школы, предлагавших для анализа социальной стратификации использовать несколько критериев. Концепция П. А. Сорокина позволила определить положение индивидов и социальных групп в многомерном социальном пространстве и исследовать социальную мобильность.

Известны и широко применимы для анализа общества концепции структурно-функционального анализа Р. Мертона, Т. Парсонса, Л. Уорнера. Заслуживают отдельного внимания взгляды У. Бека, Г. Беккера, П. Бурдьё, Д. Грузски, М. Кастельса, Дж. Коулмана, Э. Соренсена, которые в качестве критериев стратификации общества предлагали рассматривать ресурсы (активы, капиталы).

В отечественной социологии проблемам исследования социальной структуры и социальной стратификации посвящены работы Н. А. Аитова, Ю. В. Арутюняна, В. Х. Беленького, И. В. Мостовой, М. Н. Руткевича, М. А. Тарусина, Ж. Т. Тощенко, М. Ф. Черныша, В. А. Ядова¹ и др. Кроме того, Т. И. Заславская охарактеризовала модель социальной стратификации российского общества в условиях трансформации на основе множества параметров². Р. В. Рывкина рассмотрела критерии социальной стратификации и необходимость их изучения в современном обществе³. В. В. Радаев, О. И. Шкаратан

¹Беленький В. Х. Стратификационная система общества: некоторые вопросы теории и практики. М.: ИНФРА-М; Красноярск: СФУ, 2018. 242 с.; Руткевич М. Н. Социальная структура. М.: Альфа-М, 2004. 272 с.

²Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 397 с.

³Рывкина Р. В. Советская социология и теория социальной стратификации // Постигание: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа /

проанализировали теоретико-методологические подходы к изучению социальной стратификации, выявили ее исторические типы, обосновали ресурсный подход¹. В. И. Ильин типологизировал властно-административную, социально-отраслевую, социально-демографическую, социально-пространственную, этносоциальную стратификации². З.Т. Голенкова, М. К. Горшков, Е. Д. Игитханян исследовали отдельные социальные слои, используя многомерный иерархический подход на основе социокультурных факторов³. В работах З. Т. Голенковой также делается вывод о том, что дифференциация российского населения в период трансформации проявляется не только в том, что у семьи есть (уровень благосостояния), но и в том, чего у нее нет (уровень депривации), что дает возможность при изучении социального расслоения выделять критерий жизненных шансов в сфере потребления⁴.

Отдельное направление исследований связано с экономическим обоснованием социальной стратификации – доходной (по абсолютному и относительному подходам), который активно применяют не только экономисты (Л. Н. Аникин, Т. Ю. Богомолова, Н. В. Зубаревич, Н. М. Римашевская и др.)⁵, но и социологи (Ю.В. Голиусова, А. В. Каравай, Ю. П. Лежнина, Е. Д. Слободенюк, П. Е. Сушко, Н. Е. Тихонова, Л. А. Хахулина и др.)⁶.

ред. сост. Ф. М. Бородкин, Л. Я. Косалс, Р. В. Рывкина. М.: Прогресс, 1989. 592 с.

¹Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М.: Аспект-экспресс, 1996. 237 с.

²Ильин В. И. Социальная стратификация. Сыктывкар, 1991. 222 с.

³Средний класс в современной России. / Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М.: ИС РАН, 2008. 320 с.

⁴Голенкова З.Т. Избранные труды. М.: Новый хронограф, 2014. 272 с.

⁵Римашевская Н. М. Региональные особенности уровня и качества жизни. М.: М-Студио, 2012. 392 с.; Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. Экономическая стратификация населения России: динамический аспект // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 32–43.

⁶Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева, Е. Д. Слободенюк и др.; под ред. Н. Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.

В трудах Н. Е. Тихоновой, которая развивает ресурсный подход, представлена динамика различных моделей социальной стратификации российского общества (одномерных и многомерных, доходных и субъективных) и дается методологическое обоснование возможностей их применения¹.

Анализ социальной стратификации общества с целью изучения среднего класса в России проводят Е. А. Авраимова, А. А. Алексеенко, Л. А. Беляева, Т. М. Малева и др.

В работах А. Б. Гофмана, Д. Л. Константиновского, С. В. Мареевой, О. И. Шкаратана социальное неравенство рассмотрено как одна из характеристик социальной стратификации.

Исследовательский коллектив ИС ФНИСЦ РАН под руководством Л. М. Дробизевой на протяжении многих лет осуществлял мониторинг ресурса межнационального согласия, а также изучал особенности этносоциальной стратификации в полиэтнических российских регионах, в том числе и в республиках.

Региональный анализ стратификации представлен работами Р. Р. Галлямова, Л. Ф. Зайнетдиновой, которые рассмотрели факторы этносоциальной стратификации в Башкортостане, И. И. Подойницыной, охарактеризовавшей социальную стратификацию в Саха (Якутия), Д. Д. Бадараева, сравнившего социально-стратификационную структуру Бурятии и Монголии, Е. В. Петровой, проанализировавшей этносоциальную структуру и этносоциальную стратификацию в республиках Сибири, А. В. Лыкова, исследовавшего проблемы социально-экономической стратификации Оренбургской области, А. Т. Корнаева, изучившего социальное расслоение в Республике Северная Осетия-Алания, С. В. Гончаровой, которая проанализировала социальную стратификацию в Приморском крае, Ф. Ф. Ишкинеевой, занимавшейся вопросами социально-стратификационных процессов в г. Набережные Челны.

¹Тихонова Н. Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999. 320 с.; Она же Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН, 2007. 320 с.; Она же. Социальная структура России: теория и реальность. М.: Новый хронограф; Ин-т социологии РАН, 2014. 408 с.

Вызывают интерес исследования, в которых рассмотрены особенности формирования и развития социальной структуры Бурятии, в том числе ее этнические характеристики (М. Н. Балдано, А. В. Бильтрикова, Т. Н. Бояк, А. А. Буркина, Ю. Г. Бюраева, С. Д-Н. Дагбаева, З. А. Данилова, И. Н. Дашибалова, В. Г. Жалсанова, В. И. Затеев, К. Б.-М. Митупов, И. И. Осинский, Ю. Б. Рандалов, С. П. Татарова, П. А. Чукреев и др.).

Таким образом, мы можем констатировать, что в целом сложилась теоретическая и эмпирическая база исследования стратификационных процессов современного российского общества. Тем не менее социальное расслоение и проблемы социального неравенства в регионах редко являлись предметом специального изучения, в них не анализировались модели стратификации, а ранее опубликованные работы по данным процессам охватывали лишь отдельные субъекты Федерации. Принимая во внимание отсутствие специальных исследований по социальной стратификации в Республике Бурятия, в том числе анализ современных моделей, и учитывая, что формирование социальной стратификации продолжается и появляются новые ее характеристики, проведение эмпирического исследования по данной теме представляется своевременным и обоснованным.

Актуальность темы диссертационной работы, степень ее научной разработанности, сформулированная проблема исследования обуславливают выбор объекта, предмета, цели и задач исследования.

Объект – социальная стратификация в Бурятии.

Предмет – модели доходной (по абсолютному и относительному (медианному) подходам) и субъективной (по оценкам респондентами своего социального статуса и потребительских возможностей) стратификации и характеристика выявленных доходных групп и социальных слоев.

Цель – исследование региональных особенностей социальной стратификации в Бурятии в условиях трансформации российского общества.

Задачи:

– Рассмотреть теоретические и методологические подходы к изучению социальной стратификации российского общества.

– Проанализировать показатели социально-экономического развития республики в условиях трансформации, обуславливающие конфигурацию моделей социального расслоения.

- Определить особенности моделей доходной стратификации.
- Выявить специфику моделей субъективной стратификации.
- Проанализировать адаптационные стратегии и практики финансового поведения установленных доходных групп и социальных слоев.

Методологической основой диссертационного исследования являются стратификационный, структурно-функциональный, системно-динамический, диалектический подходы. В процессе работы опирались на общенаучные принципы – объективность, историзм, системность, анализ и синтез социальных явлений, единство теории и практики. Исследование доходной и субъективной стратификации региона было осуществлено благодаря апробированным методикам и наработкам российских ученых (Т. И. Заславской, З. Т. Голенковой, М. К. Горшкова, Л. А. Беляевой, Т. Ю. Богомоловой, Е. Д. Игитханян, В. В. Радаева, Н. Е. Тихоновой, О. И. Шкаратана и др.). В диссертации использовались методы сбора социологической и статистической информации. С помощью пакета для обработки и анализа данных «ДА-система» 4.0. обработаны анкеты массового опроса. На основе программы Excel спроектирована инфографика девяти моделей доходной и субъективной стратификации, демонстрирующих структуру регионального общества.

Эмпирическую базу исследования составили:

1. Статистические материалы Росстата (Итоги переписей населения, текущая статистика по Республике Бурятия, Сибирскому и Дальневосточному федеральным округам).

2. Результаты инициативного социологического исследования социальной стратификации и неравенства в Республике Бурятия (2020–2021 гг.), проведенного социологами отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН) при участии автора диссертации. Методом анкетирования опрошено 646 человек, генеральная совокупность составила 743724 чел. (население в возрасте 18 лет и старше). Выборка многоступенчатая (I – городские округа и муниципальные районы; II – городские и сельские населенные пункты; III – пол, возраст, образование, этническая принадлежность), которая репрезентирует взрослое население республики по заданным признакам.

3. Данные вторичного анализа социологических исследований, проведенных в России (ВЦИОМ, ИС ФНИСЦ РАН, ИФ РАН и др.).

Научная новизна исследования. Диссертация представляет собой одно из первых исследований региональных особенностей социальной стратификации Республики Бурятия в условиях трансформации российского общества с применением комплексного подхода и построением моделей доходной и субъективной стратификации по разным основаниям:

1. Рассмотрены основные теоретические и методологические подходы изучения социальной стратификации современного российского общества и степень их применимости для региональных исследований. На основе анализа и обобщения теоретических положений, разных методологических подходов, а также с привлечением статистических, социологических данных разработаны региональные модели социальной стратификации, осуществлен их сравнительный анализ. Установлено, что наиболее корректным и достоверным методом исследования социальной стратификации в регионе, репрезентирующим существующее расслоение населения, является доходная стратификация по относительному подходу на основе республиканской медианы.

2. Выявлено, что социально-экономические показатели развития республики, влияющие на социальное расслоение в регионе, обуславливают формирование определенных типов моделей стратификации. Установлено, что динамика конфигурации разработанных моделей (по абсолютному подходу, на основе данных статистики) в сравнении с общероссийскими свидетельствует о стабильно невысоком уровне материального положения населения республики в течение всего периода трансформации, с преобладанием низкодоходных групп. В то же время в республиканской модели 2021 гг., по сравнению с 2002 г., присутствует рост средне- и высокодоходных, а также уменьшение числа низкодоходных групп.

3. На основе анализа статистических данных и результатов социологического исследования выявлена региональная специфика доходной стратификации по относительному подходу, охарактеризованы доходные группы. Применение страновой, региональной и республиканской медиан по относительному подходу позволило построить разные модели расслоения общества и осуществить их сравнительный анализ, выявив наиболее корректную.

4. На основе результатов социологического исследования определена субъективная стратификация населения республики (по

оценкам респондентами своего социального статуса и потребительских возможностей), построены ее модели, дано описание выявленных социальных слоев. Установлено несоответствие двух моделей стратификации – субъективной и доходной, вызванное стремлением респондентов завышать свой статус и относить себя независимо от уровня материального положения преимущественно к среднему слою.

5. Определены адаптационные стратегии доходных групп и социальных слоев в условиях трансформации российского общества, охарактеризованы формы их занятости и финансового поведения. Установлена зависимость вариативности адаптационных стратегий и финансовых практик выявленных доходных групп и социальных слоев от их материального состояния и образования – представители высокодоходных групп, которые, как правило, весьма образованны, используют более разнообразные, эффективные стратегии адаптации и финансовые практики, по сравнению с низкодоходными (чаще всего менее образованными).

Положения, выносимые на защиту:

1. Методология стратификационного анализа в исследовании динамики трансформирующегося общества Республики Бурятия представляется наиболее адекватной и валидной. Исследование доходной и субъективной стратификации позволило определить специфику социально-стратификационной структуры Бурятии, оценить степень бедности и неравенства, выявить соотношение низкодоходных – среднедоходных – высокодоходных групп, изучить их адаптационные стратегии и финансовые практики. В результате анализа ряда подходов исследования доходного распределения в качестве наиболее корректного метода получения более объективной картины расслоения населения в республике определена модель относительного подхода на основе республиканской медианы.

2. Анализ социально-экономических показателей развития республики за 30-летний период преобразований и сравнение их с общероссийскими, а также с данными по регионам Сибирского и Дальневосточного федеральных округов позволил сделать вывод о существующем межрегиональном и внутреннем территориально-поселенческом неравенствах, которые формируют региональную структуру населения и создают предпосылки для становления определенных моделей доходной стратификации. Для республики характерно уменьшение численности населения, отрицательное сальдо

миграции, низкая рождаемость, старение населения. В совокупности с низким уровнем среднедушевых доходов и стабильно высоким уровнем безработицы создаются условия для воспроизводства широкого слоя низкодоходных групп.

3. Исследование доходной стратификации по относительному подходу на основе страновой, региональной и республиканской медиан позволило заключить, что более объективно отражает социальную стратификацию в республике модель, построенная на основе республиканской медианы, поскольку медианная группа в ней располагается в центре модели и занимает наибольшую долю всего населения, выше и ниже медианы расположены примерно одинаковые доли опрошенных («*нищие*» (0,1%), «*нуждающиеся*» (11,6%), «*уязвимые*» (11,4%), «*медианная группа*» (40,9%), «*среднедоходные*» (18,8%), «*обеспеченные*» (16%), «*состоятельные*» (1,2%)). Объективная бедность составляет («*нищие*» + «*нуждающиеся*» + «*уязвимые*») 23,1%, т. е. практически каждый четвертый респондент, причем чаще всего они проживают в сельской местности.

Данный подход выявил полярные низкодоходные – среднедоходные – высокодоходные группы, которые различаются не только по их базовым характеристикам (доход, образование, занятость, возраст, профессия, материальное положение, количество человек в семье, место проживания), но также и по применяемым адаптационным стратегиям и практикам финансового поведения. Установленная «*медианная группа*» (самая многочисленная) является наиболее типичной для республики группой с минимально приемлемым стандартом жизни, но в реальности скорее низкодоходной (малообеспеченной) с высоким уровнем закредитованности. «*Среднедоходная*» представляет средний класс в масштабах Бурятии, в то время как «*обеспеченная*» – средний класс по меркам РФ и в классическом его понимании.

4. Исследование субъективной стратификации на основе результатов социологического исследования выявило две модели – по самооценкам респондентами их принадлежности к социальному слою: «*самый низший*» (1,6%), «*низший*» (2,6%), «*ниже среднего*» (26,3%), «*средний*» (61,3%), «*выше среднего*» (7,3%), «*высший*» (0,9%). И по оценкам респондентами своих потребительских возможностей: «*бедные, нуждающиеся*» (3,9%), «*околобедные, уязвимые*» (21,8%), «*среднедоходная, медианная группа*» (51,3%), «*обеспеченные*» (17,3%),

«зажиточные, состоятельные» (4,5%), «богатые» (1,2%). Как видим, и в той, и другой моделях доминирует срединная группа, что дает возможность говорить о «массовом субъективном среднем классе»¹ в республике. Однако субъективная бедность («бедные, нуждающиеся» + «околобедные, уязвимые») составила 25,7%, т.е. каждый четвертый ощущает себя бедным, что соответствует модели социальной стратификации по объективным показателям.

Так же как и в общероссийских моделях субъективной стратификации, в Бурятии для опрошенных независимо от их объективного положения (как бедных, так и богатых) характерно тяготение к расположенным в середине шкалы позициям («среднему слою», «среднедоходной», «медианной» группам), при этом мало кто относит себя к высшим и низшим слоям. Причинами таких расхождений являются высокая степень удовлетворенности жизнью в целом (для большинства), что подтвердили результаты исследования, стремление не выделяться среди других (в основном для высокодоходных групп), общее в стратегиях жизни срединных и малообеспеченных групп. Отмечены оптимистичные социальные настроения опрошенных, несмотря на невысокий уровень их жизни. Однако то, что и по самооценкам, и объективным показателям дохода большая часть опрошенных находится в срединной группе шкалы, возможно, и формирует у нее социально-психологическое обоснование для трансляции позитивного социального самочувствия и удовлетворенности разными сферами своей жизни, кроме доходов.

Сравнение моделей субъективной стратификации с доходной по объективным показателям выявило расхождения самооенок опрошенных с их реальным положением. Однако в целом республиканская субъективная стратификация «массового среднего слоя» соответствует стратификации по объективным показателям

¹ Тихонова Н. Е. Субъективная стратификация российского общества: состояние, динамика, ключевые проблемы: аналитический доклад; под науч. ред. Л. Н. Овчаровой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 15 [Электронный ресурс]. Режим доступа. https://www.hse.ru/data/2022/01/30/1758504040/01_Tikhonova_Subjective_Stratification_Inequality_NCMU_Site_2022.pdf (дата обращения: 06.09.2022).

«массовой медианной группы», что также коррелирует с результатами общероссийских исследований.

5. Определены адаптационные стратегии социальных слоев и доходных групп в условиях трансформации российского общества, особенности финансового поведения жителей республики. Нами установлено, что большинство низкодоходных групп не имеет накоплений и сбережений, отличается низкой грамотностью в плане финансового поведения, является обладателем кредитов по самой высокой ставке, а нередко и «мультизаемщиками». То есть невысокий уровень образования, как и в целом человеческого капитала, воспроизводит положение бедности. Чем выше поднимается группа в нашей шкале доходной стратификации по объективным показателям («*нищие*» – «*нуждающиеся*» – «*уязвимые*» – «*медианная группа*»), тем чаще и разнообразнее используемые адаптационные стратегии, применяемые для улучшения жизни: сезонный заработок, выращивание овощей, сбор ягод, грибов, орехов и т.д., однако все они, как правило, очень трудоемкие и малоэффективные. При этом у экономически активного и трудоспособного населения уровень жизни выше, чем у неработающих, пенсионеров, учащихся.

Что касается групп «*среднедоходные*» – «*обеспеченные*» – «*состоятельные*», то их представители обладают хорошим уровнем образования, поэтому демонстрируют более высокий уровень финансовой грамотности и применяют разнообразные финансовые практики: откладывают средства и создают «подушку безопасности», вкладывают средства в недвижимость, бизнес, накопительное и инвестиционное страхование жизни, ценные бумаги, т. е. реализуют сберегательные и накопительные стратегии. Их методы улучшения жизни также более эффективны: дополнительное образование, переквалификация и получение новых, более востребованных профессий, в то время как каждый шестой «*ничего не предпринимает, так как не нуждается в этом*».

Научная и практическая значимость диссертации. Полученные результаты и выводы позволяют расширить научные представления о региональных моделях доходной и субъективной стратификации, об адаптационных стратегиях выявленных социальных и доходных групп. Эмпирические данные могут быть использованы для углубленного анализа региональной социальной структуры и стратификации, в законотворческой деятельности федеральных и региональных

институтов власти с целью преодоления межрегионального неравенства и уменьшения дифференциации населения, в практической деятельности социологов, политологов, социальных работников. Теоретические выводы диссертационного исследования могут быть применены при разработке учебных курсов и образовательных программ по социологии.

Апробация основных результатов исследования. Основные выводы и положения диссертации докладывались и обсуждались на международных научно-практических конференциях «Мир Центральной Азии-IV» (г. Улан-Удэ, 2017), «Социальные и политические вызовы модернизации в XXI в.» (г. Улан-Удэ, 2018), «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований» (г. Новосибирск, 2019), «Общие тенденции и различия в российских регионах» (г. Москва, 2019), «Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях» (г. Улан-Удэ, 2020), «Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов» (г. Тюмень, 2021), «Мир Центральной Азии-V», посвященной 100-летию ИМБТ СО РАН (г. Улан-Удэ, 2022), «Трансграничье Востока России в модернизационных процессах XX – XXI вв.» (г. Улан-Удэ, 2023), а также на международных круглых столах «Speaking plants in the languages of Global and Chinese capitalism» (г. Лондон – г. Оломоуц, 2021), «Неформальная занятость в современном обществе: новая реальность или обновленная архаика» (г. Москва, 2021). Результаты исследования использовались при разработке и проведении лекционных и практических занятий в Бурятском государственном университете им. Д. Банзарова.

Объем и структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, содержащих 5 параграфов, заключения, приложения и библиографического списка литературы, включающего 237 наименований. По теме исследования опубликовано 11 статей, из них 6 по списку ВАК, общий объем публикаций составляет 5,0 п.л.

Соответствие диссертации Паспорту научной специальности ВАК. Исследование выполнено по специальности 5.4.4 – «Социальная структура, социальные институты и процессы»: п. 1 «Социальная структура и социальная стратификация. Критерии социального расслоения»; п. 2 «Методологические подходы к изучению социальной структуры. Одномерность и многомерность стратификации»; п. 3 «Факторы изменения социально-стратификационной структуры.

Процессы слоеобразования, их объективное и субъективное определение. Групповая социальная дистанция».

Достоверность и обоснованность результатов исследования основывается на широком анализе теоретических и методологических работ, связанных с темой исследования. В диссертации используются апробированные методы, не противоречащие накопленному в науке знанию. Материалы диссертационного исследования были обсуждены на конференциях различного уровня, опубликованы в рецензируемых журналах и изданиях. Репрезентативность выборки социологического исследования, соблюдение процедуры сбора эмпирических данных и анализа статистической информации позволили получить достоверные результаты и сделать обоснованные выводы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы диссертации, охарактеризована степень научной разработанности проблемы, определены объект и предмет, сформулированы цель и задачи исследования, изложены теоретические и методологические основания, представлены основные положения, выносимые на защиту, раскрыта научная новизна, дана характеристика ее теоретической и практической значимости, указана апробация исследования, кратко охарактеризована структура работы.

Первая глава «Социальная стратификация как объект социологического изучения» посвящена теоретическим подходам и методологическим принципам исследования социальной дифференциации общества.

В **параграфе 1.1 «Теоретические подходы к изучению социальной стратификации»** рассматриваются существующие концепции и теории анализа социальной структуры и социальной стратификации общества. Основные – классовый и стратификационный. Социальная стратификация как частный случай дифференциации всегда характеризует неравенство социальных слоев по разным критериям. Исследователями предлагается два основных подхода для изучения социальной стратификации – одномерный, в основе которого лежит один критерий стратификации, и многомерный, связанный с несколькими критериями. Разновидностями одномерного подхода являются доходная и субъективная стратификации.

Диссертант констатирует, что в последние годы учеными все чаще

используется стратификационный подход, исследуются многомерные модели социальной стратификации наряду с одномерными, анализируется не только вертикальная, но и горизонтальная стратификация, предлагаются интегральные подходы, сочетающие в себе множество теорий и методологий и соответственно позволяющие более объективно и достаточно широко взглянуть на социальную структуру российского общества, в том числе на основе иерархии социальных слоев и их социального неравенства. Разновидностями стратификационного подхода можно рассматривать ресурсный, «приминимумный», медианный и другие подходы, которые используются не только социологами, но и экономистами.

Автор заключает, что для исследования регионального расслоения общества и решения поставленных задач будет применен одномерный стратификационный подход на основе доходных распределений и субъективных оценок населения.

В *параграфе 1.2 «Методологические принципы исследования доходной и субъективной стратификации»* раскрываются методы и принципы изучения доходной и субъективной стратификации, дается обоснование выборки социологического исследования.

Поскольку основным дифференцирующим население критерием всегда был доход, основной задачей диссертанта являлось выявление доходных распределений и построение их графических моделей.

Доходное распределение – вариант вертикальной одномерной модели социальной стратификации общества. За основу построения моделей доходного распределения берутся доходы или расходы респондентов или домохозяйств. Доходы отражают уровень жизни, в то время как расходы – образ жизни.

Методология исследования доходной стратификации связана с двумя подходами – абсолютным и относительным. Модель доходной стратификации по абсолютному подходу строится на статистических данных, по относительному – на материалах социологических исследований. Но более достоверна и репрезентативна относительная модель, при которой границы задаваемых доходных групп связываются с медианами (страновой, региональной или поселенческой).

Абсолютный подход основывается на величинах (минимальный размер оплаты труда, величина прожиточного минимума, размер потребительской корзины и др.), относительный – на средних или

медианных показателях доходов. Отличие в применении относительного подхода от абсолютного связано с тем, что он свободен от статистической погрешности и выявляет более близкую к реальности модель стратификации. Тем не менее в исследовании диссертант использует и абсолютный, и относительный подходы, в последнем применяя страновую, региональную и поселенческую медианы.

Для анализа субъективной стратификации автор использовал результаты социологического исследования – ответы респондентов на вопросы анкеты об оценке своих потребительских возможностей и социального статуса, выстроив затем две модели субъективной стратификации.

Во второй главе «Региональное измерение социальной стратификации в Бурятии» диссертант анализирует эмпирические материалы, полученные в ходе проведения социологического исследования, а также статистические показатели социально-экономического развития республики за последние 30 лет.

В параграфе 2.1 «Социально-экономические показатели развития республики и формирование региональной модели расслоения» представлена характеристика республики в трансформационный период, выполнен анализ показателей социально-экономических и социально-демографических процессов, влияющих на стратификацию регионального общества, разработана модель стратификации по абсолютному подходу.

Диссертант отмечает, что в Республике Бурятия на протяжении трех последних десятилетий, несмотря на имеющееся богатство природных ресурсов и перспективную близость со странами АТР, сложилась неблагоприятная социально-экономическая обстановка. Отмечается заметное снижение численности и миграционный отток населения, в основном в трудоспособном возрасте, что ведет к старению жителей региона, т. е. росту числа лиц старше трудоспособного и уменьшению доли лиц моложе трудоспособного возраста. Фиксируется стабильно высокий уровень безработицы, который постоянно растет, и низкий уровень среднедушевых доходов, по сравнению с общероссийским уровнем и с соседними субъектами (к примеру, в 2002 г. Бурятия занимала 33-е место в РФ по среднедушевым доходам населения, в 2021 г. уже 60-е).

По мнению автора, трансграничный ресурс Байкальского региона, и

Бурятия в том числе, остается нераскрытым. Географическое положение республики, выражающееся в удаленности от центра, является барьером для регионального социально-экономического развития в связи с существующим в России межрегиональным неравенством, но вместе с тем и фактором для реализации потенциальных возможностей. Бурятия обладает определенным стратегическим конкурентным преимуществом, а соседство с Монголией и Китаем (через Забайкальский край) дает обширные возможности для сотрудничества, однако пока данное преимущество не используется в полной мере.

На основании статистических данных диссертантом выстроены модели доходной стратификации по абсолютным показателям: в основу вертикальной шкалы легли значения среднедушевых доходов, заданные Росстатом. Для выявления динамики выстроены две модели (республиканская и общероссийская) за 2002 и 2021 гг. и проведен их сравнительный анализ.

Автор делает вывод о том, что социально-экономические показатели развития республики, влияющие на социальное расслоение в регионе, формируют определенный тип моделей доходной стратификации. Динамика конфигурации разработанных моделей говорит о невысоком социально-экономическом положении населения республики по состоянию на 2021 г., по сравнению с общероссийской моделью – низкодоходные группы представлены шире, а высокодоходные – намного уже. Аналогично модели (республиканская и общероссийская) выглядели и в 2002 г. В то же время если сравнивать республиканские модели за 2002 и 2021 гг., то видна положительная динамика роста средне- и высокодоходных и уменьшение числа низкодоходных групп.

В *параграфе 2.2 «Модель доходной стратификации и характеристика доходных групп»* автор выстраивает и анализирует модели доходной стратификации на основе страновой, региональной и поселенческой медиан. Если величины первых двух медиан предоставляются данными Росстата, то поселенческую медиану, которую в данной работе более уместно назвать республиканской, диссертант высчитал на основании проведенного социологического исследования.

Отметим, что медианный доход – это значение душевого дохода, находящегося ровно в середине ранжированного ряда всех единиц

наблюдения. То есть 50% населения получает доход выше этого значения, а 50% – ниже. Такой метод подсчета более надежен, поскольку обнаруживает главную (основную) тенденцию и является свободным от погрешности, которую дает расчет среднеарифметического значения в условиях ярко выраженного неравенства в доходах полярных социальных групп¹.

В качестве основы для построения моделей был использован подход исследователей ИС ФНИСЦ РАН (Н. Е. Тихонова, С. В. Мареева, З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко и др.): выявлено семь доходных групп – *нищие* (менее 0,25 медианы), *нуждающиеся* (0,25–0,5 медианы), *уязвимые* (0,5–0,75 медианы), *медианная группа* (0,75–1,25 медианы), *среднедоходные* (1,25–2 медианы), *обеспеченные* (2–4 медианы) и *состоятельные* (более 4 медиан). Для определения доходных групп использованы ответы на вопрос анкеты, где респондентам предстояло высчитать все доходы семьи, включая пенсии, пособия, подработки и т.д. на каждого члена семьи в месяц.

Так, графическая модель доходной стратификации по страновой медиане, которая в 2020 г. составила 27036 руб., по форме напоминает фигуру юла с очень широким основанием. Графическая модель доходной стратификации по региональной медиане, которая составила в том же году 21690 руб., имеет каплевидную форму. И в том, и в другом случае медианные значения располагаются не в центре полученных моделей, а смещены кверху, доля населения ниже медианы составляет большую часть, что позволяет сделать вывод о том, что медианные значения доходов не соответствуют действительности либо не применимы к Республике Бурятия.

Для выявления республиканской медианы диссертантом были ранжированы ответы респондентов относительно доходов от меньшего к большему, и ровно середина данного ряда составила значение 13500 руб. Для эмпирической идентификации доходных групп использовался итерационный метод Т. И. Заславской, который позволил достичь гомогенности доходных групп и проверить степень достоверности ответов на вопрос о среднедушевых доходах респондентов.

¹ Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. С. 41.

Так, графическая модель доходной стратификации по республиканской медиане напоминает фигуру ромб с вытянутыми сторонами, медиана расположена ровно в середине, выше и ниже медианы расположены примерно одинаковые доли опрошенных, что в целом позволяет говорить о репрезентативности данной модели.

Поскольку фактический медианный доход в республике оказался ненамного выше уровня прожиточного минимума, который в 2020 г. составил 12810 руб. для трудоспособного населения, то можно утверждать, что 64% населения республики относится к малообеспеченным и бедным слоям.

Таким образом, структура населения Бурятии выглядит так: «*нищие*» – 0,1%, «*нуждающиеся*» – 11,6%, «*уязвимые*» – 11,4%, «*медианная группа*» – 40,9%, «*среднедоходные*» – 18,8%, «*обеспеченные*» – 16%, «*состоятельные*» – 1,2%. Далее диссертант проводит анализ выделенных доходных групп по социально-демографическим характеристикам, адаптационным стратегиям, финансовому поведению и приходит к следующим выводам:

– Иждивенческая нагрузка индивидов прямо пропорциональна доходным группам. Чем выше количество членов в семье, тем менее обеспеченными они являются. В бедных группах число членов семьи, включая несовершеннолетних детей, значительно больше (до 11 чел.), в среднедоходных и высокодоходных – от трех до пяти человек.

– Чем выше уровень образования, тем чаще респонденты находятся в более доходной группе. Среди бедных («*уязвимые*» + «*нуждающиеся*») меньше всего респондентов с высшим образованием, среди богатых («*обеспеченные*» + «*состоятельные*») – больше всего.

– Территориальная принадлежность респондентов напрямую связана с доходным распределением – чем выше доход респондента, тем он чаще проживает в городской местности. Так, среди «*состоятельных*» нет сельчан, в то время как среди «*нуждающихся*» их больше половины.

– В группах с невысокими доходами выше закредитованность и, наоборот, среди богатых мало или совсем нет кредитной нагрузки на респондентов и их семьи. Чем выше уровень образования у респондентов, тем более финансово грамотными они являются и тем меньше имеют кредиты с высокими процентами. Если менее доходные группы берут кредиты на текущие нужды, то более доходные группы пользуются кредитными средствами для наращивания капитала.

– В более высоких по доходу группах чаще встречаются представители руководящего состава и предприниматели, в «бедных» таковых нет.

– Анализ возрастного состава доходных групп не выявил особых различий. Пенсионеры в большей степени сконцентрированы в медианной группе.

– Собственное жилье (дом, квартира) имеется у всех богатых, причем не только в единственном числе, в то время как у бедных оно есть не всегда. Более доходные группы пользуются вторым, третьим жильем в качестве дополнительного источника дохода.

– Чем выше доход, тем более вариативны и адаптационные стратегии групп, в то время как у бедных их мало или они совсем не применяются. Стратегии низкодоходных («*нищие*», «*нуждающиеся*», «*уязвимые*») и высокодоходных групп («*среднедоходные*», «*обеспеченные*», «*состоятельные*») сильно различаются, а у низкодоходных и среднедоходных («*медианная группа*») имеют много общего.

– «*Медианная группа*» (40,9%) является наиболее типичной для республики группой с минимально приемлемым стандартом жизни, а в реальности скорее низкодоходной (малообеспеченной) группой, весьма разной по составу (уровень образования, квалификация, возраст), со стабильным положением на работе, но очень закредитованной.

– Представители «*среднедоходной*» группы (18,8%) – это средний класс в масштабах Бурятии, в то время как группа *обеспеченных* (16%) – это средний класс по меркам РФ и в классическом его понимании.

– Часто представители «*среднедоходных*» и «*обеспеченных*» групп попадают в эти страты, потому что работают на двух или нескольких работах, в связи с тем, что в регионе почти нет высокооплачиваемой работы, благодаря которой можно было бы жить неплохо, трудясь на одной работе.

В параграфе 2.3 «Особенности субъективной стратификации и анализ социальных слоев» анализируются две построенные по эмпирическим данным модели субъективной стратификации, проводится их сравнительный анализ с общероссийской моделью, характеризуются выявленные социальные группы и слои.

Изучение субъективной стратификации общества основывается на самооценках респондентами своих потребительских возможностей и социального статуса и, в отличие от доходного распределения

призвано отразить представления населения или отдельных социальных групп относительно общественного благополучия, а также мнения людей о своем положении в обществе, по сравнению с другими.

В одном из вопросов анкеты респондентам предлагалось отнести себя и свою семью к одному из шести социальных слоев. Результаты распределились следующим образом: «*самый низший*» – 1,6%, «*низший*» – 2,6%, «*ниже среднего*» – 26,3%, «*средний*» – 61,3%, «*выше среднего*» – 7,3%, «*высший*» – 0,9%. Графическое изображение данной модели коррелирует с общероссийской моделью субъективной стратификации и визуально напоминает вытянутый кверху ромб. Диссертант отмечает, что значительная часть населения республики относит себя к среднему слою, при этом мало кто причисляет себя к высшим и низшим слоям, независимо от их объективного положения.

Вторая модель субъективной стратификации строилась на основании вопроса о потребительских возможностях индивидов и семей. Результаты распределились следующим образом: «*бедные, нуждающиеся*» – 3,9%, «*околобедные, уязвимые*» – 21,8%, «*среднедоходная, медианная*» – 51,3%, «*обеспеченные*» – 17,3%, «*зажиточные, состоятельные*» – 4,5%, «*богатые*» – 1,2%. Полученная графическая модель похожа на смещенный книзу ромб, она более объективно отражает структуру регионального общества, поскольку респонденты свободны от необходимости выбора в категории «низшие – высшие», «богатые – бедные».

Диссертант отмечает, что вторая модель коррелирует с общероссийской моделью субъективной стратификации, более того, соотносится с моделью доходной стратификации по относительному подходу с применением республиканской медианы.

Полученные в ходе проведения социологического исследования результаты и построенные на их основе модели субъективной стратификации коррелируют с общероссийскими результатами и моделями, что говорит, с одной стороны, об объективности полученных данных и корректности применяемой методологии, с другой – о включенности Бурятии в общероссийские социально-экономические процессы и, соответственно, выраженности на территории республики общероссийских тенденций формирования стратификационных моделей, хотя и с региональной спецификой, связанной с определенными показателями социально-экономического

развития и соответствующим уровнем жизни населения республики.

Сравнение республиканских моделей субъективной и доходной стратификации (по республиканской медиане) позволяет увидеть несоответствие завышенных самооценок респондентов и их объективно невысокого уровня доходов и жизни. То есть модель субъективной стратификации по самооценкам опрошенных выглядит как модель регионального «общества массового среднего класса». Модель по объективным показателям также говорит о модели «медианной», т. е. срединной группы, которая в Бурятии является минимально приемлемым стандартом жизни, а в реальности скорее низкодоходной (малообеспеченной).

Автор уточняет, что средний класс в его классическом понимании отличается от среднего класса в масштабах РФ и Республики Бурятия. Поэтому общий невысокий уровень доходов в республике не позволяет говорить о том, что выявленный в Бурятии «средний слой», или «медианная группа» ведут образ жизни представителей действительно среднего класса, которые редко в чем ограничены и могут многое себе позволить.

В **заключении** приводятся основные результаты проведенного исследования, дается оценка степени выполнения поставленных в работе целей и задач.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Работы, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

1. Петрова Е. В., Ван И. Д. Социальное самочувствие групп с разными доходами (по материалам социологического исследования в Бурятии) / Е. В. Петрова, И. Д. Ван // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 3. – С. 17–21.
2. Ван И. Д., Намжилова В. О. Теряя корни: новые аспекты неформальной занятости / И. Д. Ван, В. О. Намжилова // Власть. – 2021. – Т. 29. – № 6. – С. 245-250.
3. Ван И. Д. Модель доходной стратификации в Байкальском регионе / И. Д. Ван // Социально-гуманитарные знания. – 2020. – № 6. – С. 295–301.
4. Петрова Е. В., Ван И. Д. Социальное самочувствие городского населения Республики Бурятия (на материалах социологического исследования в г. Улан-Удэ) / Е. В. Петрова, И. Д. Ван // Вестник университета. – 2019. – № 10. – С. 188–194.

5. Ван И. Д. Закредитованность населения как один из показателей социально-экономического развития Республики Бурятия / И. Д. Ван // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 4. – С. 252–260.

6. Ван И. Д. Социально-экономические процессы в субъектах Байкальского региона: проблемы и перспективы развития / И. Д. Ван // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 12. – С. 346–352.

Статьи в иных изданиях, опубликованные по теме диссертации:

1. Ван И. Д. Региональное неравенство в Сибири и на Дальнем Востоке / И. Д. Ван // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сб. докл. VI Всерос. социол. конгресса (Тюмень, 20–22 октября 2020 г.) / отв. ред. В. А. Мансуров. – М., 2020. – С. 403–407.

2. Ван И. Д. Проблема безработицы и адаптационные стратегии населения Республики Бурятия / И. Д. Ван // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях: сб. международ. научн. конф. – Улан-Удэ, 2020. – С. 172–175.

3. Ван И. Д. Территориально-поселенческое неравенство в субъектах Байкальского региона / И. Д. Ван // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований: мат-лы XVII Всерос. науч. конф. молодых ученых в обл. гуманит. и соц. наук. – Новосибирск, 2019. – С. 107–110.

4. Ван И. Д. Демографические и миграционные процессы в субъектах Байкальского региона / И. Д. Ван // Социальные и политические вызовы модернизации в XXI в.: мат. международ. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – С. 83–85.

5. Ван И. Д. Социально-экономические процессы в Республике Бурятия в условиях трансформации общества / И. Д. Ван // Республике Бурятия – 95 лет: сб. науч. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – С. 170–173.

Подписано в печать 2023. Формат 60×84 1/16.

Усл. печ. л. 1,7. Уч.-изд. л. 1,6.

Гарнитура Таймс. Тираж. Заказ № .

Отпечатано в типографии Издательства БНЦ СО РАН

Адрес: 670047 Республика Бурятия г. Улан-Удэ,

ул. Сахьяновой, 6.